

АГУСТИНА БАСТЕРРИКА

ОСОБОЕ МЯСО

ВЕС
0,292 кг

100%

9 785604 267745

ЦЕНА
975,50 ₽

**ОСОБОЕ
МЯСО**

Моей сестре, Гонсало Бастеррика

То, что предстает перед нашими глазами, никогда
не соответствует тому, что нам говорят.

Жиль Делез

Я иду спать, и мне рассказывают сказки на ночь /
При этом мне выгрызают мозг / И пьют сок моего
сердца

Patricio Rey y sus Redonditos de Ricota
(Аргентинская рок-группа. Композиция «Я, людоед»)

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

...его мимика и его взгляд были настолько
человеческими, что меня охватил ужас...

Леопольдо Лугонес

Полутуша. Оглушение. Линия забоя. Мойка высокого давления. Эти слова всплывают у него в памяти и хлещут наотмашь. Они словно разрубают его на куски. Разделяют. И это не просто слова. Они — кровь, ее густой, плотный запах. Автоматизация процесса. Главное — не думать обо всем этом. Он просыпается весь в поту. Его ждет новый день — день, который он проведет, забывая людей, как скот.

Никто не называет их людьми, думает он, закуривая сигарету. Он сам их так не называет, когда объясняет новым сотрудникам, как организована работа мясокомбината. Брякни он такое — и его за просто арестуют и, очень даже возможно, самого отправят на муниципальную бойню. На обработку. Правильно было бы сказать — на смерть, на казнь... Но такие слова употреблять запрещено. Он снимает насквозь мокрую футболку и пытается усилием воли прогнать мысль, что все так и есть: это действительно люди, но люди, которых выращивают на убой, как мясной скот. Он подходит к холодильнику, наливает ледяной воды и быстро выпивает стакан. В памяти всплывают спасительные термины, слова, скрадывающие смысл того, как устроен теперь мир.

Есть слова, ставшие общепринятыми, гигиенически безупречные слова, используя которые ты не вступишь в противоречие с законом.

Он открывает окно, но жара продолжает душить его. Он курит и одновременно вдыхает неподвижный ночной воздух. С коровами и свиньями все было просто. У него была работа — не последняя должность на мясокомбинате «Кипарис», должность, которую он занял в соответствии со своим образованием и опытом, а вовсе не потому, что предприятие принадлежало его отцу и являлось их семейным бизнесом. Нет, визг свиньи, через которую пропускают ток, мог заставить непривычного человека окаменеть от ужаса, но, во-первых, на комбинате применялись всевозможные «средства защиты органов слуха», а во-вторых, со временем эти визги становились для сотрудников предприятия просто одной из составляющих звукового фона производства. Теперь он стал заместителем директора, его правой рукой, и в его обязанности входит отбор и подготовка новых сотрудников. Учить убивать — хуже, чем убивать самому. Он высовывается в окно. Вдыхать приходится плотно сжатый, обжигающий горло воздух.

Придумать бы какую-то анестезию, думает он. Чтобы жить — и ничего не чувствовать. Действовать механически, смотреть, дышать и ничего больше. Все видеть, все знать, но ничего не говорить. Но вот воспоминания — они здесь, они не уходят, они по-прежнему с ним.

Многие смирились с тем, что в прессе упорно называют Переходом. Он же никак не может к этому привыкнуть. Да и само слово... Переход — он не

бывает таким скоротечным и безжалостным. Нужны какие-то другие слова, чтобы передать масштаб случившегося. А это будничное название — оно какое-то пустое, бессмысленное. Перелом, трансформация, переворот... Любой из этих терминов обозначает, в сущности, одно и то же, но выбор какого-то из них отражает личное отношение человека к случившемуся, отношение, отличающееся от точки зрения других людей. При этом все как-то смирились с каннибализмом. Нет, скорее, приняли его как данность. «Каннибализм» — еще одно слово, прилюдное употребление которого грозит серьезнейшими проблемами.

Он помнит, как объявили о появлении и распространении GGB. Массовая истерия, волна самоубийств, всепроникающий ужас. После эпидемии употреблять животных в пищу стало невозможно, так как все они оказались переносчиками нового вируса, смертельно опасного для людей. На этом строилась риторика властей. Он помнит, как звучали эти тяжелые, убедительные речи, так необходимые для того, чтобы люди изменились, чтобы подавили в себе любые сомнения.

Не обуваясь, он начинает ходить по дому. После GGB мир стал совершенно другим. Были перепробованы бесчисленные вакцины и антитоды, но вирус сопротивлялся и мутировал. Одна за другой выходили статьи о мести веганов, о проявлениях дикой жестокости по отношению к животным. По всем телеканалам целыми днями выступали врачи, рассказывающие, чем можно восполнить недостаток белка. Журналисты в один голос трубили о том, что лекарства от этого «звериного вируса» как не

было, так и нет. Он вздыхает и закуривает вторую сигарету.

Он в доме один. Жена уехала к маме. Он не то чтобы скучает по ней, просто без нее в доме образовалась какая-то пустота, не позволяющая ему нормально спать, не оставляющая в покое ни на минуту. Он наугад снимает с полки книгу. Спать уже не хочется. Он включает лампу, вроде бы начинает читать, но вскоре выключает свет. В темноте он трогает шрам на руке. Шрам старый и уже давно не болит. Его оставила свинья. Он тогда был совсем молодым и только-только начал работать на семейном предприятии. Ему и в голову не приходило, что нужно уважать мясо. Не думал до тех пор, пока это самое мясо не впилося в него зубами и чуть не оторвало ему руку. После управляющий и вся бригада еще долго смеялись. Ну, вот тебе и боевое крещение, говорили ему. Отец тогда ничего не сказал, но после того укуса его стали воспринимать не как хозяйского сынка, а как полноправного сотрудника. Впрочем, думает он, ни той бригады, ни самого мясокомбината «Кипарис», каким он его помнит, уже нет.

Под руку попадается телефон. Три пропущенных звонка от тещи. От жены — ни одного.

Жара просто невыносима, и он идет в ванную. Включив душ, подставляет лицо под струи холодной воды. Ему хочется стереть из памяти картины прошлого, избавиться от чудовищных воспоминаний. Штабеля кошек и собак, которых сжигают живьем. Кто там будет церемониться, если любая царапина, полученная от животного, это смерть? Запах горелого мяса не выветривался неделями. А по ночам по жилым кварталам ходили специальные бригады

в желтых костюмах-скафандрах. Их задачей было убить и сжечь любое животное, попавшееся на пути.

Холодная вода течет по спине. Он садится прямо на пол душевой и быстро-быстро мотает головой, словно стряхивая с себя что-то. Воспоминания не отступают. Когда появились банды, тайком убивавшие и поедавшие людей, этого поначалу как бы не замечали. Потом, словно по заказу, пресса долго мусолила случай, когда соседи по району напали на группу безработных боливийцев. Их убили, тела разделали и изжарили на костре. От этих новостей у него волосы вставали дыбом. Однако именно этот скандал и публичное обсуждение породили в общественном мнении мысль о том, что — в конце-то концов! — мясо есть мясо, а откуда оно взялось — не так уж и важно.

Он поднимает голову, подставляя лицо воде. Больше всего на свете ему хочется отмыть память, чтобы вода забрала с собой всю грязь воспоминаний. При этом он прекрасно понимает, что они, эти воспоминания, никуда не денутся. В некоторых странах все чаще и чаще стали пропадать иммигранты. Сначала приезжие, потом пришел черед разного рода маргиналов, нищих и бездомных. Их выслеживали, ловили и убивали ради мяса. Но легализован этот кошмар был во многом под давлением огромной, многомиллиардной отрасли, оставшейся без работы. Бойни, мясокомбинаты и законы были адаптированы под новую реальность. И через некоторое время, довольно скоро, людей стали выращивать, как скот: чтобы хотя бы в какой-то мере удовлетворить накопившийся спрос на мясные продукты.

Он выходит из душа и едва проводит по телу полотенцем. Глянув в зеркало, он замечает у себя большие круги под глазами. Сам он придерживается теории, о которой в свое время вроде начали говорить, да только самым разговорчивым быстро заткнули рот. Один очень известный и уважаемый зоолог, высказавший в ряде статей мысль о возможном искусственном происхождении вируса, как-то очень уж кстати погиб в автомобильной аварии. Сам же он в глубине души был уверен в том, что инфекцию выпустили на волю, чтобы притупить остроту главной проблемы — перенаселенности планеты. С раннего детства ему приходилось слышать речи об ограниченности ресурсов, об их нехватке. На его памяти во многих странах, и в первую очередь в Китае, происходили массовые беспорядки, вызванные в немалой степени чрезмерной скученностью населения в отдельных районах. Впрочем, ни в одном из средств массовой информации эти события под таким углом не рассматривались. О том, что привычный мир вот-вот взорвется, его предупреждал отец: «Вот увидишь, сынок, планета скоро взбунтуется. Рвануть может в любой момент. Бомбы посыпятся, или же мы все перемрем от какой-нибудь заразы, — не знаю, но что-то точно произойдет. Посмотри, что в Китае творится: люди готовы убивать друг друга за место под солнцем — в буквальном смысле этого слова. Они там уже просто не помещаются. А у нас... у нас пока еще есть место, но и мы вскоре останемся без воды, без еды, без воздуха! Все катится к чертям!» Он смотрел на отца с некоторым сожалением: возраст, мол, дело такое, старость оптимизма не

прибавляет... Но сейчас он прекрасно понимает, насколько отец был прав.

Эпидемия стала своего рода очищением для человечества. Это горькое лекарство вызвало и вполне ожидаемые положительные последствия: население сократилось, уровень жизни повысился, а потом... потом появилось и мясо. Цены, конечно, оставались весьма высокими, но рынок рос, причем рос все быстрее и быстрее. Разумеется, сначала случались массовые протесты, голодовки, заявления организаций, защищающих права человека... Одновременно стали появляться статьи, исследования и разного рода новостные материалы, направленно воздействующие на общественное мнение. Уважаемые университеты публиковали труды о необходимости животного белка для поддержания полноценной жизнедеятельности, врачи твердили об отсутствии в растительной пище необходимого комплекса незаменимых аминокислот, эксперты обсуждали взаимосвязь несомненного факта снижения выброса парниковых газов и столь же явной неполноценности питания, в популярных журналах рассказывали об удручающих последствиях питания только растительной пищей. Протесты если не сошли на нет, то заметно ослабли, а между тем в прессе то и дело появлялись сообщения о вновь регистрируемых случаях смерти от «звериного вируса».

Жара продолжает душить его, и он, по-прежнему раздетый, выходит на балкон-галерею своего дома. Воздух неподвижен. Он ложится в парагвайский гамак и пытается уснуть. В памяти бесконеч-

но прокручивается один и тот же рекламный ролик. Красивая, пусть и несколько старомодно одетая женщина подает ужин на стол, за которым сидят ее муж и трое детей. Женщина поворачивается и произносит на камеру: «Для своей семьи я выбираю особенную еду — то же мясо, что и раньше, только вкуснее». Все улыбаются и приступают к трапезе. Правительство — да, правительство его страны — приняло решение как-то по-новому обозначить этот продукт. Человечину стали называть «специальным» или «особенным» мясом. Ну а дальше — пошло-поехало: появилась «вырезка особая», «ребра особые», «почки особые».

Он не называет это мясо ни «особым», ни «специальным». У него в обиходе технические термины и определения. Эти слова служат для описания тех, кто биологически является человеком, но никогда не станет индивидуальностью, личностью, кто рождается, живет и умирает как продуктивное сырье. Их считают по головам, их отправляют на переработку, их выгружают в приемном отсеке и гонят на линию забоя. Этот конвейер должен работать ритмично и бесперебойно, экскременты должны быть собраны и проданы как удобрения, а выемка и разбор внутренностей должны происходить в секторе разделки. Никто, никто не имеет права называть их людьми, потому что, назвав их так, ты наделяешь их свойствами личности. Нет, их дозволено именовать только мясом или продуктом. Все их так и называют. Все, кроме него. Потому что он больше всего хочет, чтобы ему вообще не приходилось называть их — никак: ни именем, ни термином.